

В. З. Церенов

Звездная память

Дарственные автографы писателей из библиотеки Давида Кугультинова

В моем шкафу теснится к тому том,
И каждый том на полке – словно дом.

Давид Кугультинов

В марте 1946 года судебные власти Алтайского края так спешили осудить Давида Кугультинова «за антисоветскую агитацию среди калмыков-переселенцев», что вопреки устоявшейся практике забыли исключить его из партии. Исключение состоялось 21 декабря 1948 года, когда поэт уже отбывал наказание в Норильском лагере.

11 сентября 1956 года решением президиума Верховного суда РСФСР Кугультинов был полностью реабилитирован. Получив на руки справку о реабилитации, он начал добиваться партийного восстановления. 21 мая 1957 года Норильский горком партии принял постановление: «восстановить Д. Н. Кугультинова в рядах КПСС с сохранением партийного стажа с июня 1943 года».

В Элисту Кугультинов прибыл лишь летом 1957 года. 13 июля Калмыцкий обком КПСС продублировал решение Норильского горкома партии. Сегодня эти хлопоты могут показаться пустыми, но тогда приходилось учитывать особенности советской тоталитарной системы.

Давид Кугультинов понимал, что ему необходимо пополнить образование, наверстать упущенное за годы войны и заключения. Осенью 1957 года он поступил на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Среди слушателей были Кайсын Кулиев, Чингиз Айтматов, Петр Воронин, Ионас Чебану, Леонид Пасенюк, Магомет Мамакаев. Их творческий семинар вели Михаил Светлов, Ярослав Смеляков, Сергей Наровчатов. Поэт получил литературную среду, в которой так остро нуждался.

В эти годы Кугультинов много работал, следил за поэтическими новинками, вел большую переписку. Встречался с Владимиром Фаворским, Константином Ерымовским, в творчестве которых калмыцкая тема занимала большое место.

Состоялась продолжительная беседа с Мариэттой Шагинян, опубликовавшей в 1938 году роман «Билет по истории», в котором говорилось о калмыцких корнях В. И. Ленина. В заключение встречи Мариэтта Сергеевна подписала Кугультинову свою книгу: «Дорогой Давид Никитич, в этой книжке Вы со многим, может быть, не согласитесь, но она написана с той прямоотой, какую я оценила и полюбила сегодня в Ваших собственных суждениях. 25. XI. 58. Мариэтта Шагинян».

«Давиду Никитичу Кугультинову, прекрасному поэту, с чувством искреннего уважения от скромного переводчика», – писал в те месяцы и Александр Големба, увлеченный мощью его поэтического чувства.

Однажды летом 1959 года в коридорах Литературного института к Давиду Кугультинову подошел поэт Игорь Грудев и показал стихотворение «Роберт Бёрнс» Новеллы Матвеевой. Имя ее не было известно Кугультинову и он, взволнованный прочитанными строками, решил встретиться с ней.

Матвеева рассказала, что скованная недугом, не могла посещать школу, образование получила дома. Она вручила Кугультинову две тетрадки стихов, которые позже составили первую книгу ее поэзии.

В Элисте Кугультинов много рассказывал о Новелле Матвеевой, опубликовал в газете заметку о ней и подборку ее стихов:

«Джангар» – сказка,

песня мечты,

Но и сказки сбываются.

А без песен

часто с пути

Караваны сбиваются.

Тетрадки Матвеевой поэт передал первому секретарю Калмыцкого обкома комсомола Виктору Бушину с просьбой составить о ней разговор в ЦК ВЛКСМ.

1 ноября 1959 года в «Комсомольской правде» благодаря усилиям секретаря ЦК ВЛКСМ Лена Карпинского увидела свет большая подборка стихов Новеллы Матвеевой. Эта публикация, по сути, положила начало ее творческому пути. Вскоре в издательстве «Молодая гвардия» вышла первая книга ее стихов, экземпляр которой она подарила чете Кугультиновых: «Дорогому Давиду Никитичу – так здорово помогшему мне, что и словом не сказать, – открывшему мне дорогу в литературу, – и такой милой Алле Григорьевне – с глубоким уважением и огромной благодарностью дарю свою первую книжку. Желаю Вам счастья и здоровья, счастья и благополучия, счастья и счастья. Новелла Матвеева. 4 марта 1961 года».

В августе 1959 года в Элисте состоялись торжества, посвященные 350-летию вхождения калмыков в состав России. Праздник братского народа разделили поэты и писатели, прибывшие из соседних республик и областей. Из Кабардино-Балкарии приехали Кайсын Кулиев и Керим Отаров, у которого вскоре вышла книга стихов в русском переводе. «Дорогому собрату, большому поэту милой мне земли – Калмыкии – Давиду Кугультинову в знак братской дружбы. 13.X.59. Керим Отаров», – писал он, спеша поделиться радостью и отдать дань уважения другу.

Нарушая хронологический принцип, замечу, что читателям известна близкая дружба Давида Кугультинова и Кайсына Кулиева. Наши народы гордились их дружбой. Кроме того, нас объединяла общность судьбы – в годы войны балкарцы, как и калмыки, подверглись сталинской ссылке, выселению из родных мест.

*Вы плохи или хороши,
Но, право, лучше стыть в могиле,
Чем знать, что нету ни души
В краю, где рождены вы были, –*
писал позже Кайсын Кулиев.

«Давиду Кугультинову, брату по духу, по судьбе», – обращалась к нему Халимат Байрамукова, замечательная балкарская поэтесса. К слову, она была гостем II съезда писателей Калмыкии, состоявшегося в августе 1958 года. В те дни в газете было опубликовано ее стихотворение, в котором она утверждала:

*Калмычки старой я забыть не в силах,
Что дочкой назвала меня родной...
Под сердцем не меня ль она носила
Дальнею и буйною весной?
Я седину ее поцеловала.
Как мне знакома эта седина!*

Халимат Байрамуковой вторила другая прекрасная поэтесса, Танзиля Зумакулова. «Одному из самых талантливых, мужественных и честных людей нашей страны – Давиду Кугультинову», – так надписала она книгу, подаренную поэту.

В библиотеке Кугультинова хранились книги и других писателей Кабардино-Балкарии – Максима Геттуева, Адама Шогенцукова, Алима Кешокова.

«Моему Давиду и великому поэту человечества», – так расписался Кайсын Кулиев на книге своих стихов «Колосья и звезды» (М.: Современник, 1979).

«Давиду Никитичу – любимому другу моего отца, с благодарностью за доброе отношение к нам, его детям, с пожеланием долгих счастливых лет и бесконечной радости творчества. 17.08.99. Жанна Кулиева», – писала старшая дочь поэта на книге «Я жил на этой земле. Кайсын Кулиев. Портрет в документах» (Нальчик: «Эльбрус», 1990).

За этой надписью стоит многое. Кайсын Кулиев завещал похоронить его в Чегеме. Другое мнение было у первого секретаря обкома партии. Давид Кугультинов и Чингиз Айтматов в те горькие часы прощания убедили руководство республики последовать воле покойного.

В 1965 году в издательстве «Художественная литература» вышла книга Давида Кугультинова «Стихи», в которую поэт включил важные для него стихотворения «Очищение» и «От правды я не отрекался». В какой-то степени здесь сказалась доля везения, книга была подписана в набор 12 сентября 1964 года, когда Н. С. Хрущев был

еще при власти и руководство страны, как это случилось немногим позже, не пыталось сворачивать осуждение сталинского культа.

Об этой книге много писали во всесоюзной периодике. Лариса Лебедева в содержательной рецензии отметила, что десять лет заключения не убили в поэте ни мужества, ни жизнестойкости, ни веры в правду и людей.

«С волнением раскрываю недавно вышедшую в издательстве «Художественная литература» книгу стихов калмыцкого поэта Давида Кугультинова, – писала в газете «Правда» известный поэт Людмила Татьяничева, – и сразу же попадаю в атмосферу поэзии – в мир борьбы и труда, смелых дерзаний и нелегких свершений.

Стихи, словно слитки горячего металла: завершенность формы сочетается в них с горячим бурлением жизни, богатством мысли и чувств.

Через всю книгу, от стихотворения к стихотворению, проходит тема ответственности перед Родиной и народом, тема интернационализма и человеческого достоинства». По ее словам, поэзия Давида Кугультинова достигла зрелого мастерства, она мужественна и правдива, светла и сурова.

О, как мы вырастаем, окрыляясь,

Когда другие люди верят в нас!

«Давиду Кугультинову, певцу мужества и душевного благородства», – писала Татьяничева на книге своих стихов «Время теплых дождей».

Константин Ерымовский, часто встречавшийся с Кугультиновым в те годы, отмечал, что создавалось впечатление, «будто поэт готовился к большому полету». По его словам, нельзя было не порадоваться его целеустремленности, вере в себя, неудержимому задору и таланту.

Тем не менее прошлое не уходило из памяти:

Норильск, Норильск – неповторимый город!

Меня во сне сжигает твой мороз;

И до сих пор огнем былых обид

Меня сиянье Севера слетит.

«Эрудиция, гражданский накал, стремление философски осмыслить мир и историю – вот что привлекает читателя в творчестве Кугультинова», – делился в своих рецензиях Сергей Щеглов (Норильский), в судьбе которого Север также оставил свои отметины.

Книга Ираклия Андроникова «Я хочу рассказать вам» (М.: Сов. писатель, 1965) пользовалась в свое время огромной популярностью. Литературоведческие изыскания блестящего рассказчика и незаурядного автора читались как увлекательный роман. Он писал, что является «жарким почитателем поэтического таланта Давида Кугультинова и очарован его личностью».

Весной 1967 года Сергей Баруздин, редактор журнала «Дружба народов», на страницах той же «Правды» писал, что поэзия Давида Кугультинова – «яркое явление в жизни нашей литературы. Новая книга поэта – «Я твой ровесник» – событие особое, поскольку вобрала в себя наиболее зрелые стихи автора последних лет и еще поэму «Сар-Герел». Поэма эта, построенная на сказочном, народном материале, звучит удивительно современно».

Он отмечал, что книга поражает сплавом ума и таланта: «О самых сложных и самых обычных явлениях жизни Давид Кугультинов говорит взволнованно, поэтично и, что особенно важно, по-своему».

В 1967 году Давиду Кугультинову за сборник «Я твой ровесник» была присуждена Государственная премия РСФСР. Высокая оценка, данная творчеству Кугультинова Людмилой Татьяничей и Сергеем Баруздиным, сыграла здесь не последнюю роль.

Давид Кугультинов продолжал упорно трудиться. В 1972 году в журнале «Новый мир» он опубликовал поэму «Бунт разума». Поражала интеллектуальная мощь произведения. Свидетельством тому стали многочисленные отклики известных советских писателей и поэтов во всесоюзной прессе. Поэзия Давида Кугультинова стала достоянием читателей всей огромной страны. Итогом явилось присуждение ему в 1976 году Государственной премии СССР.

Давид Кугультинов умел дружить и оставаться верным заветам дружбы. Быть может, благодаря ему Сергей Смирнов, автор «Брестской крепости», рассказал в книге о Николае Казиковиче Санджиеве, участнике тех ожесточенных боев, с которым Кугультинов в 1945 году сидел в одной камере Барнаульской тюрьмы.

Анатолий Алексин, Николай Доризо, Юлия Друнина, Юрий Воронов, Григорий Бакланов, Андрей Дементьев, Юрий Карякин, Сергей Михалков, Гавриил Троепольский, Николай Ушаков, Фазиль Искандер, Константин Ваншенкин, Генрих Боровик, Зорий Балаян, Анвер Бичкентаев, Даширабдан Батожабай, Исхак Машбаш – их имена говорят сами за себя – дарили Кугультинову свои книги с редкими посвящениями.

«Другу степей, гор и лесов, а также моему другу – славному Давиду – с давней любовью», – писал Яков Козловский, прекрасно переведший несколько вещей Кугультинова, в частности, стихотворение «Время и желание»:

«Тик-так, тик-так...» Летит за годом год.

И звёзды календарные дороги.

Делам людским – незримый счетовод –

Подводит время точные итоги.

В 1968 году Константин Симонов не посчитал за труд прилететь в Элисту и встретиться с калмыцкими писателями и любителями поэзии. Затем вместе с Кугультиновым посетил Малые Дербеты, родину Велимира Хлебникова. Жалел, что едут на машине, а не верхом на конях. «Любовь к вам, – говорил он, обращаясь к

Кугультинову, – я имел возможность наблюдать во многих местах нашей страны и в вашем родном крае».

«Давиду Кугультинову – поэту-философу, которого давно читаю и искренне люблю», – делился Юрий Бондарев на титуле романа «Берег».

Сопровождая Давида Кугультинова, я несколько раз видел Даниила Гранина. Однажды, направляясь в Ленинскую библиотеку на встречу с читателями, Давид Никитич, увидев Гранина, шепнул мне: может быть, пригласить его для антуража на встречу с читателями? – Слишком большое имя, – ответил я ему.

Кугультинов бережно хранил книгу Гранина с надписью: «Дорогому мне человеку – Давиду Кугультинову».

Давид Кугультинов дружил с летчиками-космонавтами СССР. В 1976 году они прислали ему книгу «Мост в космос» со своими автографами. Подписи оставили Георгий Гречко, Валерий Кубасов, Виталий Севастьянов, Константин Феоктистов и другие космонавты.

«Дорогому Давиду Никитичу Кугультинову – поэту и человеку, в лице которого я вижу еще и доброго товарища по великому сообществу Степного Юга», – отмечал Савва Дангулов, еще в детстве наслышанный о калмыцкой степи и сказочных скакунах страны Джангара. В их кубанском селе в соседнем доме жил Аксён, калмыцкий лекарь, умело пользовавший коней.

Бликие отношения отличали Давида Кугультинова и Андрея Вознесенского. «Дорогому Давиду, огромному поэту, пророку и его милой Алле – с любовью навсегда», – писал Вознесенский на книге своей избранной лирики.

Прислал книгу Булат Окуджава, принимавший участие в 1968 году в Днях российской литературы в Калмыкии: «Дорогой Давид, обнимаю тебя, будь счастлив, если это возможно».

По любви, а не для вида

Подарил стихи Давиду,

Чуть ли не единому

Давиду Кугультинову, –

шутил замечательный лирик Василий Федоров.

Донской писатель Анатолий Калинин не раз говорил о мужестве, с которым сражались бойцы 110 Отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии. Он всегда оставался верным заветам дружбы. Последнюю книгу «А на рассвете грянул гром» (Ростов-на-Дону, 2004) прислал Кугультинову в июле 2005 года.

Лариса Васильева, автор книги «Кремлевские жены», посетила поэта в Элисте: «Алле и Давиду Кугультиновым на память о времени, которое остается с нами, каким бы оно ни было. 27.04.94».

Евдокия Гаер, бесстрашный народный депутат СССР, подарила Давиду Кугультинову свою книгу о традиционной бытовой обрядности нанайцев.

Художник Май Митурич, сын Веры Хлебниковой, прислал монографию Э. З. Ганкиной о своем творчестве. Известного литературоведа Р. В. Дуганова объединяла с Кугультиновым память о Велимире Хлебникове.

Украинский классик Олесь Гончар, увидев по телевидению встречу Кугультинова с читателями, писал ему: «Думаю, что вся Калмыкия переживает этот день как свой национальный праздник. И на Украине не от одного из своих братьев слышу: ведь поэта, равного Давиду Кугультинову, сегодня нет в стране. Поздравляю тебя, друже. Приветствую твои мудрые человеческие мысли, твое калмыцкое мужество и такую поднебесную степень творческого расцвета». Об этом же он писал на форзаце своего романа «Циклон», врученного им Кугультинову в Киеве в мае 1979 года.

Владимир Путин как-то сказал, что о распаде Советского Союза может не жалеть лишь тот, у кого нет сердца. Как бы там ни было, Советский Союз представлял из себя огромную культурную цивилизацию, в которой межнациональное равенство, при всех известных обстоятельствах, сохранялось на протяжении десятилетий. Да, официальная идеология трубила о дружбе народов, но людей из разных уголков страны действительно связывали дружеские, братские отношения.

«Славному брату по крови, по духу», – писал армянский классик Серо Ханзаян, обращаясь к Давиду Кугультинову.

«Давид-агай – Давиду Никитичу, чья слава завоевала многие страны. С любовью и глубоким уважением», – восклицал казахский прозаик Ануар Алимжанов. О своем преклонении перед талантом поэта писали Мухтар Магауин, Мухтар Шаханов, Морис Симашко.

Из Украины присылали свои книги Микола Бажан, Борис Олейник, Иван Драч, из Узбекистана Шараф Рашидов, Абдулла Арипов, из Белоруссии Аркадий Кулешов, Максим Танк.

«Давиду – туугану от Аалы-агадан», – писал патриарх киргизской поэзии Аалы Токомбаев. Тууган – по-киргизски сородич, соплеменник. Дело в том, что Токомбаев происходил из рода беш-калмак.

«Даваа – ахадаа дурсхаал болгон», – надписал на книге своих стихов незабвенный бурятский поэт Дондок Улзытуев.

Семен Данилов прислал свои якутские переводы стихов Кугультинова. Раскрыв книгу, поэт узнал что «күн» по-якутски значит «солнце», а по-калмыцки это слово означает «человек». И рождаются строки:

Два слова схожи в сокровенной сути,

Как солнце – человек!.. Не позабудьте!

Давиду Кугультинову дарили книги и представители научного мира: знаменитый Д. Д. Благой, неутомимая труженица Б. Х. Тодаева, авторы нашумевшего в свое время издания «Вокруг Пушкина» И. М. Ободовская и М. А. Дементьев, а также выдающийся переводчик древней китайской поэзии Л. З. Эйдлин.

В библиотеке Давида Кугультинова хранились книги с автографами зарубежных писателей. Чарльз Джонстон, английский переводчик Александра Пушкина, весьма сдержан: «всех добрых Вам пожеланий». Еще более краток Артур Миллер: «Good luck!» – Желаю удачи!

Зато не скрывал своих чувств монгольский переводчик Кугультинова Дамбын Цэмбэл:

Зөвлөлтийн яруу найргийн «Таван од»-ны нэг Танаа

Зовлон жаргал дунд тэмцэж, бүтээж олсон

Уран үгийн хүдрийг тань ус нутагтаа хүргэхээр

Ухаан бодлоо зарсан дөрвөд хөвүүн Д. Цэмбэл.

Если коротко, он говорит, что приложил все силы для того, чтобы и на его родине стихи поэта звучали в первозданной свежести.

Широкою известность в свое время получила драма Мустая Карима «В ночь лунного затмения». Помню ее постановку на сцене Калмыцкого драматического театра имени Баатра Басангова. Запомнилось, как убежденно говорила героиня пьесы Шафак: Правда не тускнеет от навета! В памяти осталась и другая сцена, когда молодой джигит смело отстаивает истину: Поэта можно изгнать, но не песню. Слово правды – вечно!

«Брату моему, другу Давиду с любовью безмерной», – делился Мустай Карим. После совместного выступления в Казани, восхищенный речью Давида Кугультинова, он написал книгу: «Отчаянно талантливому брату моему Давиду».

Расул Гамзатов, обращаясь к Давиду Кугультинову, писал:

У нас с тобой, вспомни, мой друг,

Товарищи были одни.

А ныне их сузился круг,

Храни его, небо, храни!

Роднила поэзия нас,

И свой был у каждого лик.

И звездный познали мы час,

Суливший бессмертия миг.

Он не только дарил другу книги («Моему Давиду с верной любовью»), но и до последнего дыхания не оставлял его без своего внимания.

«Давиду Кугультинову, спасибо за то, что светишь на моем горизонте», – признавался замечательный русский поэт Михаил Дудин.

Известный китаист Николай Федоренко любил повторять, что не существует международной известности писателя без национального признания. Старейшина калмыцких поэтов Санджи Каляев так надписал свою книгу Давиду Кугультинову:

Даңдад уга зүрктә,

Даргдад уга билгтә,

Дахад өссн Давадан...

Имя Кугультинова написано в притяжательной форме, Санджи Каляев, нужно отдать ему должное, нисколько не отделял себя от более молодого земляка и, более того, признавал его талант и славу.

При всем желании не смогу назвать всех авторов, чьи книги хранились в библиотеке Давида Кугультинова. «Весь мир – во мне», – писал он. И действительно, он близко знал творчество сотен своих коллег, был чуток к их слову и откровениям, был счастлив дружбой с ними, талантливыми поэтами и писателями своих народов.

Может быть, он думал и о своих друзьях, писателях, когда за письменным столом выводил строки:

С верными братьями

Бремя земное делил.

Бедствовал с ними,

Осиливал холод и сушь.

Песни их знал

И заветные тяготы душ...

г. Элиста,

11–12 апреля 2022 г.